

3. Білоцерківець Н. Балада про нескорених / Н. Білоцерківець. – К. : Радянський письменник, 1979. – 64 с.
4. Білоцерківець Н. Готель Централь. Вибрані вірші / Н. Білоцерківець. – Львів : Кальварія, 2004. – 120 с.
5. Білоцерківець Н. Листопад / Н. Білоцерківець. – К. : Радянський письменник, 1989. – 96 с.
6. Білоцерківець Н. Підземний вогонь / Н. Білоцерківець. – К. : Молодь, 1984. – 80 с.
7. Білоцерківець Н. У країні мого серця / Н. Білоцерківець. – К. : Радянський письменник, 1979. – 64 с.
8. Калинець І. Зібрання творів у 2 т. / Ігор Калинець. – Т. 1: Пробуджена муза – К. : Факт, 2004. – 417 с.
9. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. / Э. Нойманн – М. : Рефл-бук; К. : Ваклер, 1998. – 464 с.
10. Филатов В. Живой космос: человек между силами земли и неба / В. Филатов // Вопросы философии. 1994. – № 2. С. 3 – 12.

УДК 821.161.1.'06-311.6*Б.Васильев:172.15:159.953

Гречаникова Е.Л.
(Гомель, Беларусь)

**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ТЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ В РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КОНЦА 1970-Х – 1980-Х ГГ.: ПАТРИОТИЗМ И ПСЕВДОПАТРИОТИЗМ,
КАТЕГОРИЯ ПАМЯТИ
(на примере прозы Б. Васильева)**

У даній статті об'єктом вивчення стає військова проза 1980-х як одне з основних проблемно-тематичних напрямів в російській радянській літературі. Досліджується специфіка розвитку даного проблемно-тематичного спрямування на прикладі прози 1980-х рр. одного з відомих письменників-фронтовиків Б. Васильєва.

Ключові слова: соціокультурна ситуація 1980-х, військова проза, патріотизм, псевдопатріотизм, категорія пам'яті.

В данній статтє об'єктом изучения становится военная проза 1980-х гг. как одно из основных проблемно-тематических направлений в русской советской литературе. Мы исследуем специфику развития данного проблемно-тематического направления на примере прозы 1980-х гг. одного из известных писателей-фронтовиков Б. Васильева.

Ключевые слова: социокультурная ситуация 1980-х гг., военная проза, патриотизм, псевдопатриотизм, категория памяти.

In this scientific article the object of study is war prose of the 1980-s as one of the major problem-thematic trends in the Russian Soviet literature. As an example, we explore the specifics of the development of these problem-thematic trends using the prose of one of the famous war writers of the 1980-s Boris Vasiliev.

© Гречаникова Е.Л., 2013

Key words: *social and cultural situation of the 1980-s, military prose, patriotism, pseudopatriotism, category of memory.*

В 1980-е гг. на советскую литературу оказывает непосредственное влияние новая социокультурная ситуация в стране: возникает необходимость глубокого и всестороннего анализа, переосмысления истории в целом и ВОВ в частности. Особенно острым становится вопрос переоценки событий, реалий Великой Отечественной войны и преемственности трагического опыта новым поколением. Данная проблематика нашла широкое отражение в военной прозе Бориса Львовича Васильева, одного из известнейших писателей-фронтовиков («Ветеран», «Великолепная шестёрка», «Неопалимая купина», «Экспонат №...» и др.). Следует заметить, что в названных текстах военная тематика не всегда превалирует на сюжетном уровне (что не мешает нам отнести эти тексты к военной прозе): зачастую это ретроспективные эпизоды-воспоминания, являющиеся своего рода «стержневым» элементом текста, позволяющим автору создавать морально-нравственные ориентиры для своих героев, решать проблемы современного общества с позиции человека, постигшего в годы войны универсальные ценности. Поэтому согласимся со словами П. М. Топера, который полагает, что *«в советской литературе нет и не может быть произведения, ставящего значительные вопросы современности, чтобы в нём так или иначе, в непосредственном изображении или в предьстории героев, не присутствовала б война»* [1: 361]. Рассмотрим некоторые проблемные аспекты военной прозы Б. Васильева конца 1970-х – 1980-х гг.

1. Для прозы Б. Васильева указанного периода характерна антитеза: формалистский подход к осмыслению героического прошлого и противоположное ему сопричастное восприятие, личный, эмпатийный подход к воспоминаниям о Великой Отечественной войне. Так, в рассказе «Экспонат №...» это *«официальный холодный голос смерти»* в похоронке, *«бесстрастно удостоверяющей»* смерть сына, противопоставленный *«тёплым слезам матери»* над единственным письмом, чтение которого стало ежевечерним ритуалом, позволяющим жить дальше [2: 589 – 590].

В текстах Б. Васильева неоднократно подчёркивается формализм на государственном уровне по отношению ко всему, что связано с концептом Великой Отечественной войны: *«До мая оставались считанные месяцы, все стремились отрапортовать к празднику Победы...»* [3: 543]; *«В 1965-м, к юбилею Победы, по телевидению начали передавать множество фильмов о войне», «... шёл...какой-то фильм о войне..., никто его не смотрел...», «Уже отметили юбилей Победы, уже телевидение стало резко сокращать количество военных передач»; «А затем пришёл 1985 год. Год сорокалетия великой Победы... И снова по телевидению – только теперь несравненно больше, чем двадцать и десять лет назад, – пошли фильмы и хроника, песни и стихи, воспоминания и документы войны»* [2: 573; 574; 575; 582]. Возможно, именно формализм обесценивает по-настоящему важный исторический опыт. Бывшие фронтовики как будто «варятся» в своём котле воспоминаний, в то время как официальная власть формирует вроде бы положительный образ народа-победителя, но какой-то официальный, формальный, нежизнеспособный и, вероятно, поэтому провоцирующий ироническое отношение к тому, что имеет неоспоримую ценность.

Иллюстрация кардинально противоположных подходов становится более яркой благодаря использованию фраз-клише, которые из-за слишком частого использования десемантизируются, обесцениваются: *«пал смертью храбрых»* [2: 590]; *«священный долг»*, *«ожесточённое сопротивление озверелого врага»*, *«порабощённая фашистом Европа»*, *«коварные замыслы противника»*, *«критические моменты гигантских сражений»*, *«выполняя свой священный долг, победоносная Советская Армия...»* [4: 530; 522; 529] и т.п.

2. В рассказе «Ветеран» поднимается тема противостояния по значимости и объективности мемуарной литературы о ВОв и художественных текстов. Муж героини Пётр Конигов *«художественную литературу считал выдумкой, не стоящей внимания»*, *«читал мемуары советских полководцев, старательно разбираясь в стратегических планах кампаний...»*, полагая, что это и есть истина о войне в последней инстанции: масштабность, стратегия, бесстрастность и торжественность: *«Про себя, Аля, рассказывать нам уже ни к чему, это никому не интересно. Важно в масштабе вопрос поставить. Миссию подчеркнуть важно...»* [4: 520 – 521]. Для его жены, Алевтины Кониковой, напротив, война – это «окопная правда», неэстетичность и грязь, люди и их судьбы, поступки, именно из которых и складывалось что-то большое и грандиозное. Это *«усталость, от которой тошило во сне»*, *«тяжёлый запах переполненных братских могил»*, *«двадцатилетние лейтенанты с седыми прядями в аккуратных причёсках»* и *«сорокалетний техник-лейтенант с дёргающейся головой и дрожащими, как у старика, руками»*, который прострелил днища в тяжёлых баках для стирки, чтобы женщины-прачки, стиравшие сутками окровавленные бинты, не надорвались [4: 522].

Таким образом, формализму, как уже отмечалось выше, противостоят «живые», «звучащие в голове», личные, зачастую «не причёсанные» воспоминания (традиция, восходящая к 1960 гг. и лейтенантской прозе): это и *«разорванный на куски сапёрный лейтенант»*, снявшийся до сих пор Лиде Паньшиной (рассказ «Ветеран») [4: 530], и неэстетичные, по мнению окружающих, воспоминания ветерана о том, как его выносил с поля боя конь, у которого *«осколком рёбра выломало, и кишки за ним волочились»* [5: 539].

3. Для военной прозы конца 1970-х – 1980-х гг. характерна актуализация проблемы патриотического воспитания нового поколения и напрямую связанной с ним проблемы псевдопатриотизма. Достаточно ярко это иллюстрируется в рассказе «Экспонат №...»: главная героиня становится жертвой усердных пионеров, для которых гораздо большей ценностью является потенциальный экспонат для школьного музея, чем живой участник Великой Отечественной войны: *«Бабушка, вы ведь очень, очень старенькая, правда ведь? А нам предстоит жить и воспитываться на примерах. А вдруг вам станет нехорошо, и тогда все ваши патриотические примеры могут для нас пропасть...»*. Когда же Анна Федотовна говорит, что можно будет забрать письма после её смерти, самая маленькая пионерка произносит парадоксальную фразу: *«...вы можете не успеть [умереть] к сорокалетию великой Победы, а мы не можем [не заполучить экспонат]. Мы взяли торжественное обязательство»* [2: 585 – 586]. Если следовать грустной иронии автора, мёртвый ветеран – наилучший для всех вариант. Этот парадокс находит подтверждение и в рассказе «Великолепная шестёрка». Больше сочувствия у начальницы пионерского лагеря Киры Сергеевны вызывают подростки, заморившие голодом лошадей (ведь мальчики – победители олимпиад, полиглоты, шахматисты), а не старый фронтовик (к

тому же спившийся), поскольку его образ расходится со стереотипным образом бравого ветерана войны. Кира Сергеевна отмечает, что в их лагере достаточно внимания уделяется патриотическому воспитанию молодёжи: *«Мы каждую смену проводим торжественную линейку у обелиска навишим, возлагаем цветы»* [2: 537]. В данном случае молодой лейтенант озвучивает в тексте авторскую позицию: *«Цветы, салюты – это всё правильно, конечно... Вот вы о мраморе говорили. Мрамор – это хорошо. Чисто всегда. И цветы класть удобно. А что вот с таким дедом делать, которого ещё в мрамор не одели? Который за собой ухаживать не может, который в штаны, я извиняюсь, конечно... да к водке тянется, хоть ты связывай его! Чем он тех хуже, которые под мрамором? Тем, что помереть не успел?»* [2: 537 – 538]. Эффект усиливается с помощью параллелизма: кони, оставленные умирать, потому что о них забыли за ненужностью, – и ветераны, чьи живые и неидеальные образы проигрывают аккуратному куску мрамора.

Подобная мысль звучит и в повести «Неопалимая купина», хотя и в более сдержанной форме. Директор школы Антонина Фёдоровна Иваньшина во время официальных мероприятий, посвящённых ВОв, часто замечала *«пустые глаза детей, куда более занятых формой торжеств, чем их сущностью»* [3: 540]. Б. Васильев даёт простое объяснение причин скепсиса по отношению к советским «ценностям», в том числе к «набившему оскомину» героизму: *«А потому, что перекормили... Количество героической информации вдруг перешло в качество – только не в то, на которое мы рассчитывали. Исчезла искренность подвига, его порыв, боль, цена – и осталось голое перечисление. Остался реестр, длинный и нудный списочный перечень: кто, что, где и когда. Мы девальвируем собственную героическую историю: Герасим утопил собачку, и полтора года лет рыдают над нею потрясённые дети, а мы без конца толкуем о двадцати миллионах погибших – и встречаем отсутствующие глаза»* [3: 540]. В вышеуказанной повести «набивший оскомину героизм» как синоним официоза противопоставлен *«обыденной каждодневной окопной жизни»* (*«то реальное, окопное, грязное, вонючее, пехотное, где виши и крысы, где трупы в трёх шагах разлагаются, а рядом – ровики, полные дерьма, а воды – снегу котелок...»*) [3: 543]), которая и есть истинный героизм [3: 541]. Но автор констатирует, что эта «окопная правда» никому не нужна. Представитель издательства, с которым Антонина Иваньшина из повести «Неопалимая купина» заключила контракт написание мемуаров, отказывается публиковать воспоминания, потому что в них нет ни одного «положительного примера»: *«Так в чём же заключается уникальность опыта, что мы поведем молодёжи? ... Какую правду?... О том, как пишут от страха? Кому это надо?»* [3: 542].

Пожалуй, истинный патриотизм ненавязчиво демонстрируется в рассказе «Экспонат №...»: соседка по коммунальной квартире Римма тайком перемывает за одинокой женщиной посуду, исправляет испорченный суп – и всё лишь для того, чтобы та ощущала себя полезной и нужной в новом мире, где она одна [2: 587].

4. Ещё одна проблема, которую поднимает автор, – умелое использование звания ветерана Великой Отечественной войны окружающими («патриотами»). Так, в рассказе «Ветеран» секретарь комсомольской организации фабрики считает бухгалтера Алевтину Конинову *«кладом»* только потому, что можно заработать баллы, послав её, ветерана, выступить на мероприятии «Воспоминания о войне» во Дворце культуры [4: 516]. Персонаж повести

«Неопалимая купина» Олег неоднократно использует звание ветерана войны Антонины Ивановны для того, чтобы решать жилищный и многие другие бытовые вопросы: проведение телефона, центрального отопления, приобретение транспортного средства и даже переезд в новую квартиру. Несмотря на то, что Олег старается отчасти и для самой Антонины Ивановны, женщину неприятно поражает его *«цепкая энергичная напористость»* и холодные официальные доводы, клишированные фразы: *«...вам, одинокой фронтовичке, раненой и контуженной при защите Отечества...», «Просите подключить, да не забудьте о ранениях указать», «... с квартирой нам – верная: героиню Великой Отечественной ... никто на улице не оставит... Тем более после того, как книжечка... понравилась...», «... как раз кино [экранизация воспоминаний Антонины] нам – прямо позарез сейчас... Новоселье не за горами, оно денежек требует...»* [3: 507; 544; 546]. Автор намеренно вкладывает эти фразы в уста симпатичного читателю персонажа, заботящегося о своей одинокой соседке, для того, чтобы подчеркнуть некую нравственную деформацию даже среди не самых худших представителей нового поколения.

5. Категория памяти также становится неотъемлемой частью военной прозы рассматриваемого периода, что вполне закономерно, поскольку смена двух поколений (40 лет) предполагает актуализацию проблемы забвения исторически важного опыта. В рассказе «Экспонат №...» гости, собранные на юбилей одинокой Анны Федотовны, были заранее *«принструментированы»*: им было велено прочитать *«подобранные в библиотеке книжки»*, чтобы возможно было вести беседу о военном времени [2: 582].

Воспоминания для героев Б. Васильева могут исполнять различные функции:

- заменитель личной жизни (о чём прямо указывается в рассказе «Экспонат №...»). Автор как бы подчёркивает, что даже спустя сорок с лишним лет война заставляет вновь и вновь возвращаться к переосмыслению событий прошлого, не отпускает: *«Знаете, когда она кончится? Когда последний из тех пойдёт, кто под бомбами землю грыз...»* [3: 484];

- воспоминание как счастье на *«закате жизни»* [2: 581] и некий морально-нравственный ориентир, даже отчасти идеализация прошлого. Не случайно героиня повести «Неопалимая купина» Антонина, сравнивая военное и мирное время, делает вывод, что *«тогда»* всё было проще: *«...горечь фронтовых потерь была принципиально иной, ибо там, за горем, стоял его виновник... и, наконец, жажда мщения и полная возможность утолить эту жажду. Кроме того, боевые потери переживались сообща, горе родило, а не разъединяло, плечо товарища ощущалось не метафорой, а вполне реальной опорой»* [3: 491];

- нередко в речи участников войны реалии мирного времени характеризуются с помощью военной лексики: Антонина Ивановна, ошарашенная мошенничеством со стороны названной дочери и наглостью её мужа, прописавшегося в комнате, находит веский эпитет: *«Фашист»*; а когда уже нет сил жить дальше, на ум приходит *«фронтовая заповедь: никогда не сдаваться»*, тем более что *«есть тылы, есть резервы, есть командир, у которого ... можно попросить поддержки огнём [заряженный “вальтер”]...»*, а фронтовые друзья подбадривают, как много лет назад: *«Ты что это, старший лейтенант, дезертируешь с фронта»* [3: 498; 513; 517];

- зачастую в прозе Б. Васильева делается акцент на сакральности воспоминаний для самих героев, – воспоминаний, которые не всякому можно доверить, потому что не

поймут, не почувствуют их ценность. Например, в рассказе «Экспонат №...» для одинокой Анны Фёдоровны, потерявшей сына на войне, смыслом жизни становятся два письма: то, что написано сыном с фронта накануне гибели, и письмо от его товарища, сообщающее о смерти Игоря. Женщина доверила свою «тайну» соседке лишь тогда, когда из-за потери зрения не смогла больше прочитать ни строчки (а чтение писем было ежедневным ритуалом на протяжении всей её жизни). Для героини рассказа «Ветеран» Алевтины Кониковой невозможность поделиться очень личными воспоминаниями становится очевидной, когда она, выйдя на сцену, не может рассказать о «своей войне» и прикрывается клишированными фразами: «*Выполняя свой священный долг русская Советская Армия...*» [4: 530].

Таким образом, военная проза Б. Васильева исследуемого периода обладает следующими специфическими чертами:

- фокусировка внимания на проблеме формалистского подхода к осмыслению истории ВОВ в литературе и культуре и противопоставление ему эмпатийного, личностного подхода (данная тенденция продолжает традицию военной литературы 1960-х гг., т.н. «лейтенантской прозы»);

- использование клишированной лексики с целью подчеркнуть антитетичность официального и эмпатийного подходов;

- интерес к проблеме патриотического и псевдопатриотического воспитания нового поколения;

- актуализация категории памяти и, как результат, – наличие ретроспективного плана в большом количестве текстов военной прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топер П.М. Ради жизни на земле / П.М. Топер. – М., 1985. – 656 с.
2. Васильев Б.Л. Экспонат №... / Б.Л. Васильев // Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2: Повести и рассказы. – М., 1988. – С. 565 – 590.
3. Васильев Б.Л. Неопалимая купина / Б.Л. Васильев // Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1: Повести. – М., 1988. – С. 478 – 558.
4. Васильев Б.Л. Ветеран / Б.Л. Васильев // Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2: Повести и рассказы. – М., 1988. – С. 516 – 530.
5. Васильев Б.Л. Великолепная шестёрка / Б.Л. Васильев // Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2: Повести и рассказы. – М., 1988. – С. 531 – 541.